

Узнав об этом от Се Хуэя, Су Янь как раз сошёл с тренировочного поля. Смахнув со лба лёгкую испарину, он сделал большой глоток воды и сказал: «Значит, ей действительно повезло... А император наказал князя Чжао?»

— Ваньцин в своих показаниях наотрез отказывается признать, что за всем стоял князь Чжао. Хотя всем всё ясно как день, прямо обвинить его в покушении на наследника престола всё равно нельзя, — развёл руками Се Хуэй и, заметив, что Су Янь хочет пить, поспешил налить ему ещё чашку. — Император лишил его годового жалованья и отослал в удельное владение — вразумляться. Формальная же причина звучала пустяково: мол, князь Чжао плохо контролирует подчинённых.

Су Янь усмехнулся: «Иного и не оставалось. Кстати, я ещё не поздравил тебя с повышением. Теперь ты помощник министра — будем впредь помогать друг другу».

По логике вещей, Су Янь, командовавший Гвардией доблестной кавалерии, отвечавшей за оборону столицы, уже занимал более высокий пост. Но, похоже, от природы он был не слишком искусён в подобных делах и не придавал им значения.

Се Хуэй фыркнул: «А кто виноват, что ты не пришёл на тот пир, что устраивал принц! Этот скряга наконец-то раскошелится — задал угощение в Тереме туманного дождя. Я думал, он пол-Цзиньлина позовёт, а прихожу и вижу — кого? Моего деда! Весь вечер я сидел как на иголках, а принц с моим почтенным предком беседовали самым душевным образом».

Услышав это имя, Су Янь на мгновение застыл, а потом проямлил: «А... А что? Разве твой дед не из партии князя Чжао?»

— Не болтай ерунды, — шмыгнул носом Се Хуэй. — Мой дед не станет примыкать к таким компаниям... Кстати, что за ветер гуляет на вашем тренировочном поле? Тебе не холодно в одной рубахе?

Су Янь покачал головой и расстегнул ворот ещё шире, обнажив худые юношеские ключицы: «Наоборот, жарко. Только что упражнялся в стрельбе из лука — навык притупился, целых пять раз не попал в яблочко».

Се Хуэй был записным книжником и, как все утончённые бездельники, не мог ни тяжесть поднять, ни несколько шагов пробежать без одышки. Посмотрев, как Су Янь запросто натянул лук в свой рост, и услышав эти скромничающие слова, он почувствовал себя униженным и страстно возжелал дать ему затрещину.

Однако Се Хуэй не посмел с Су Янем связываться.

Су Янь в последнее время, кажется, ещё подрос. В свои семнадцать-восемнадцать он стоял на плацу, словно молодое дерево: ветви ещё гибкие, но сердцевина день ото дня крепчает и твердеет.

С завистью оглядев всё более складную фигуру Су Яня, Се Хуэй сменил тему: «Я давно хотел спросить: почему ты перестал околачиваться с принцем? Он целыми днями торчит в Императорской академии, а если не там, то караулит у Западного чертога, чтобы повидать императора и задать ему какие-то странные вопросы. И, представляешь, император даже рад этому».

— Какие вопросы?

— Где находится Северный мрак, как велика птица Фэнхуан, почему в Башу так много последователей даосизма. Сколько людей можно прокормить, если выращивать рис в Южном море, какова численность приезжих в Цзиньлине каждый год, наводнения в округе Цингуан, торговые пути у Заставы Нефритовых Врат... Всё, что в голову взбредёт. Император иногда отвечает, иногда нет, а иногда и отругает — но принц не обижается.

Первые вопросы звучали забавно, но последние касались уже государственных дел. На губах Су Яня мелькнула едва заметная улыбка, которую он тут же подавил, строго спросив: «Какое это имеет отношение ко мне?»

Се Хуэй втянул воздух, отступил на шаг, обстоятельно оглядел Су Яня с ног до головы, потом хлопнул себя ладонью по ладони и воскликнул: «Ты поссорился с принцем!»

Су Янь уставился на него в полном недоумении, будто не понимал, отчего Се Хуэй так возбудился и глаза у него загорелись.

Как ни изощрялся Се Хуэй, Су Янь так и не поведал ему причину. Он провёл зиму в размышлениях, скрупулёзно разобрав тот давний разговор с Сяо Цичэнем, и пришёл к выводу:

Он ранил Сяо Цичэня в самое сердце.

Не раз думал он извиниться. Но взгляды Су Яня были ещё незрелы, он легко поддавался порывам, да и характер у него был слишком прямолинейный — вместе это делало его чересчур правдолюбивым простаком. Неудивительно, что Сяо Цичэнь пришёл в такую ярость. Однако Су Янь цеплялся за свою гордость, да и армейские дела отнимали время — вот он и «забыл».

Су Янь снова натянул тетиву, вложив три стрелы, и выпустил их с сотни шагов.

Все три пролетели мимо мишени.

Спустя несколько дней Су Янь получил от Се Хуэя приглашение встретиться на горе Цися в праздник Шансы, дабы вместе насладиться весенними красотами.

Держа в руках записку, он почувствовал лёгкое беспокойство: что-то здесь было не так. Но, не найдя ничего подозрительного, велел слуге передать ответ: мол, непременно прибудет.

Утром третьего дня третьего месяца Су Янь привёл коня к Павильону прощания у ивы у подножия горы Цися. Место это было вдалеке от города Цзиньлина; здесь стояли почтовая станция да постоялый двор. Лет пять назад здесь было безлюдно, случались даже убийства, но теперь цзиньлинская знать, подхватившая моду на весенние прогулки — эту затею запустили такие же бездельники, как Се Хуэй, — заполонила окрестности, и даже в этой глуши стало многолюдно.

Шансы — праздник, о котором древние говорили: «Весенние одежды готовы, можно омыться в реке, обсохнуть на ветру у алтаря У-юй и с песнями вернуться домой». За сотни лет обычай преобразился: ныне люди собираются у воды компаниями по пять-шесть человек, пируют, а юноши и девицы украдкой переглядываются. Если возникает взаимная симпатия, дарят друг другу пионы — и дело может закончиться свадьбой.

Осмотревшись вокруг павильона, Су Янь не увидел Се Хуэя, но заметил нежданного гостя.

Сяо Цичэнь сидел за столиком у станции, скучая. Весна была в разгаре, всё оживало, солнце грело уже по-настоящему. На нём были одежды светло-голубого, водянистого оттенка, отчего

весь он казался мягче и нежнее.

Сидел он, уставившись в чашку с чаем, погружённый в свои думы и не замечая гуляющих вокруг. Рядом стоял Тяньхуэй — вытянулся, словно деревянный столб, и, увидев Су Яня, не поприветствовал его, а лишь молча отступил на шаг.

Су Янь инстинктивно рванулся было прочь, но именно это движение Тяньхуэя привлекло внимание Сяо Цичэня, и тот взглянул в его сторону.

Взоры их встретились неожиданно — и оба тут же отвели глаза. Сяо Цичэнь поднёс чашку к губам, сделал глоток, словно собираясь с духом, и снова посмотрел на Су Яня.

И после этого взгляда Су Янь уже не хотел бежать.

Легко похлопав коня по шее, он медленно пробился сквозь толпу и опустился на скамью напротив Сяо Цичэня. Тяньхуэй, понимая намёк, развернулся к ним спиной, давая понять: «Ничего не слышу, ничего не вижу».

— Как вырвался? — первым завёл разговор Сяо Цичэнь. Говорил он ровно, будто между ними и не было размолвки.

Су Янь внимательно посмотрел на него и ответил: «Се Хуэй позвал полюбоваться весной».

Сяо Цичэнь кивнул: «И меня позвал. Должно быть, сам сбежал. Вчера спрашивал, есть ли у меня планы. Я ответил, что свободен — отец сейчас загружен сокращением военного бюджета, ему не до меня. Спросил, зачем Се Хуэю это знать, но он ничего не сказал, только велел приехать сюда с утра — мол, в горах сейчас цветы особенно хороши».

Су Янь промычал что-то вроде «угу» и вдруг сообразил, почему именно Шансы: сегодня был день рождения Сяо Цичэня.

Третий день третьего месяца, день весеннего равноденствия и водного ритуала — благоприятная дата. Он родился, когда у Сяо Яня было ещё мало наследников, а на первый день рождения прихлась крупная победа армии Лян. Казалось бы, начало было славное, но дальше пошли одни невзгоды.

...В прошлом году в это время я был в Сюйчжоу, — тихо сказал Су Янь. — Не успел тебе подарок преподнести.

Сяо Цичэнь усмехнулся, подпер щеку рукой и придвинулся ближе: «А ты думаешь, мне подарки нужны? То, чего я хочу, никто мне не даст — придётся самому добывать».

Разговор плавно перетёк к тому дню, когда они поссорились. Сяо Цичэнь нарочно завёл эту тему, чтобы спровоцировать Су Яня, посмотреть на его реакцию. Но тот, кто когда-то пылал праведным гневом, будто исчез. Су Янь слегка склонил голову и неожиданно признал вину: «Ачэнь, прости. Я был неправ — не подумал о тебе, а сказал такие слова».

Ошеломлённым оказался Сяо Цичэнь. Он никогда не считал Су Яня способным извиняться — не потому что тот был гордецом, а просто потому что он редко ошибался. Услышав эти слова, Сяо Цичэнь остолбенел.

Заметив его замешательство, Су Янь забеспокоился и продолжил: «У тебя были свои резоны, а я их не понял и наговорил грубостей. Но неужели ты и вправду знаешь только, как

использовать чувства? Я думал, ты не такой».

<http://bllate.org/book/15940/1425068>